
И.А. Гончаров принадлежит к тому типу писателей, которые сосредоточены на устойчивых, коренных чертах русской национальной жизни. В романе «Обломов» (1857) заглавный герой интересен автору не столько как герой времени, сколько как вечный тип, как персонаж, в котором воплотились сущностные свойства русского человека. Ключевые мотивы, образы, детали романа подчинены одной идее — раскрыть особенности национального характера.

Центром самобытного и неизменного в своих основополагающих чертах мироустройства в романе становится Обломовка — «наследственная отчина рода Обломовых». Идиллический пейзаж («Утро великолепное; в воздухе прохладно; солнце еще не высоко»; «солнце с ясной улыбкой любви осматривает и сушит поля и пригорки»), в который вписаны старый родительский дом, голубятни и многочисленные пристройки, навсегда соединится в сознании Ильи Ильича с представлением о земном рае, о гармонии и подлинном счастье. «Благословенный уголок» отделен от остального мира; канава, дорога, овраг («самое страшно место в околотке») определяют его естественные границы, и выход за их пределы чреват опасностями («там, говорят, и лешие, и разбойники, и страшные звери»). Две главные заботы занимают его благодущных обитателей — еда и сон. «Забота о пище была первая и главная жизненная забота в Обломовке. Какие телята утучнялись там к годовым праздникам! Какая птица воспитывалась!» — не без лукавства, но и не без радостного изумления сообщает повествователь. Сон же оказывается не знающей пределов, всепроникающей природной силой, подчиняющей себе волю и разум обломовцев: «Это был какой-то всепоглощающий, ничем непобедимый сон, истинное подобие смерти. Всё мёртво, только из всех углов несется разнообразное храпенье на все тоны и лады». Уникальность Обломовки — в том, что в ней явь и сон, жизнь и смерть слиты воедино и ничуть не противоречат друг другу.

Линейное время в Обломовке заменено на циклическое (мифологическое), и образ ленивого, медлительного потока времени, ползущего по кругу, создается соприкосновением двух пространств — сна и сказки. При всем том в мире Обломовки царит нравственная чистота и любовь. Илюша с молоком матери впитал представления о гармонии и ладе в семейной жизни, сказки няньки

внушили веру в чудо, добро и справедливость мироустройства. В образе Обломова проступают черты Иванушки-дурачка, Емели (житейская непригодность, беспомощность, мечтательность, отсутствие корыстных устремлений). Взрослый Обломов грустит, «зачем сказка не жизнь, а жизнь не сказка». Вся последующая жизнь Ильи Ильича окажется попыткой вернуть себе Обломовку, обрести ее в Петербурге или на даче, на Гороховой или на Выборгской стороне, — и лишь тогда Обломов приблизится к ощущению счастья, когда дом Агафьи Пшеницыной станет для него Обломовкой-2, пусть недотягивающей до «оригинала», но надёжно охраняющей героя от агрессивной активности внешней жизни.

Сон Обломова рисует читателю не только идеал героя — он показывает историю становления характера, проясняет (хотя вовсе не исчерпывает) истоки его мироощущения: «Ни одна мелочь, ни одна черта не ускользает от пытливого внимания ребенка; неизгладимо врезывается в душу картина домашнего быта; напитывается мягкий ум живыми примерами и бессознательно чертит программу своей жизни по жизни, его окружающей». Детский живой интерес к миру скоро сменится у Обломова отстраненной созерцательностью, а физическое освоение пространства — «порханием мысли», уводящей героя то в мечту, то в сон.

Динамика сюжета в романе и определяется интересом автора к погружению героя в сон, а вовсе не событийный канвой (еще Добролюбов отмечал внешнюю неподвижность сюжета). Событийное «ускорение» сопровождает эпизоды встреч с Ольгой Ильинской (Илья Ильич забывает о любимом халате и о диване, читатель видит его в театре, на прогулках, в гостях) — но довольно быстро оно сходит на нет, и Обломовка вновь затягивает в желанный покой, грезу, истому.

Топографические перемещения героя тесно связаны с изменениями его внутреннего мира, а часто и порождают эти изменения. На Гороховой читатель застаёт Илью Ильича в состоянии остро неудовлетворенности жизнью: суетный мир, в котором обитают его знакомые (а по сути — двойники-антиподы: карьерист Судьбинский, амбициозный литератор Пенкин, мнимый аристократ Волков), не имеет в его глазах никакой цены, а собственное «ленивое переползание изо дня в день» лишь усугубляет апатию. Отчетливое ощущение бесцельности жизни звучит в его признании Ольге вскоре после знакомства: «Когда не знаешь, для чего живешь, так живешь как-нибудь, день за днём;

радуешься, что день прошел, что ночь прошла, и во сне погрузишь скучный вопрос о том, зачем жил этот день, зачем будешь жить завтра». Совсем иначе Обломов себя чувствует на Выборгской стороне: уютный дом, огород, деревья во дворе, беседка — это прорыв в естественную жизнь в тех ее пространственных и временных координатах, которые напоминают об Обломовке («Все тихо в доме Пшеницыной. Войдешь на дворик и будешь охвачен живой идиллией»; «...дни и ночи текут мирно, не внося буйных и внезапных перемен в однообразную жизнь, хотя четыре времени года повторили свои отправления, как в прошедшем году, но жизнь все-таки не останавливалась, все менялась в своих явлениях, но менялась с такою медленною постепенностью, с какою происходят геологические видоизменения нашей планеты»). Разрушенная идиллия Обломовка частично восстанавливается в мещанской идиллии на Выборгской стороне — хотя в целом тема гармонии, дома, покоя подвергается в романе снижению.

Сам Обломов осознает свой жизненный путь как непоправимое удаление от идеала: «С первой минут, когда я сознал себя, я почувствовал, что я уже гасну! Начал гаснуть я над писаньем бумаг в канцелярии; гаснул потом, вычитывая в книгах истины, с которыми не знал, что делать в жизни, гаснул с приятелями, слушая толки, сплетни, передразниванье, злую и холодную болтовню, пустоту, глядя на дружбу, поддерживаемую сходками без цели, без симпатии», — с горечью говорит он Штольцу. Усилена тема энтропийности, утраты жизненной энергии сюжетной линией Захара. Его нерадивость, неуклюжесть, леность — гиперболизированное выражение «дремотного» способа существования его барина. История жизни и смерти Захара, рассказ о его женитьбе на Анисье составляют параллель к истории Обломова и выявляют смысловой вектор романа — переход от комического к трагическому в трактовке «обломовщины». Забавным спорам хозяина со слугой противостоит печальный финал — описание опустившегося Захара.

На противоположном полюсе системы персонажей — деятельный, энергичный, прагматичный Штольц. В отличие от созерцателя Обломова, Штольц лишен рефлексии — неизменного свойства национального характера. Он никогда ни в чем не сомневается и в своей деятельности не задается «обломовскими» вопросами: ради какой цели? во имя чего? зачем? Это деятельность ради самой деятельности — причем в какой именно профессиональной сфере, так и остается неизвестно; разнообразные дела Штольца — не миссия, а

каждодневная работа. Хотя задуман был герой как образцовое воплощение сбалансированного характера, как сочетание ума, энергичности, порядочности, сам И.А. Гончаров признавал, что образ Штольца не получился художественно ёмким, очерчен он схематично. Детство Штольца описано поэтически, взрослением «пропущено», а зрелость представлен без сколько-нибудь рельефных, резко индивидуальных черт. «Русский немец» весь собран из положительных свойств — но из них не складывается яркий, оригинальной личности. Может быть, именно поэтому он так ценит «голубиную нежность» Обломова, дорожит в друге тем, чем не обладает сам: «Это хрустальная, прозрачная душа; таких людей мало; они редки; это перлы в толпе! Его сердце не подкупишь ничем; на него всюду и везде можно положиться... Многих людей я знал с высокими качествами, но никогда не встречал сердца чище, светлее и проще; многих любил я, но никого так прочно и горячо, как Обломова». Не случайно и семейная идиллия Штольца и Ольги Ильинской подвергается снижению: она описана не как поэтический, сказочный мир Обломовки, а как прагматический, комфортно устроенный рай для тех, кто твёрдо стоит ногами на земле.

По контрасту представлены в романе и женские образы. Ольга Ильинская и Агафья Пшеницына противопоставлены во всём — в портретных деталях, чертах характера, жизненных устремлениях — и даже в оттенках любви к Обломову. Антитезой пушистым бровям Ольги оказываются две «лоснящиеся полоски вместо бровей» Пшеницыной; крепкая грудь и круглые локти Агафьи Матвеевны контрастируют со стройностью и грацией Ольги. Лейтмотивами одной любви являются ветка сирени, пленительная ария Нормы «Casta diva» из оперы В. Беллини, прогулки в парке; знаками другой — халат, ватрушки, стеганные одеяла. Любовь Ольги — требовательна и строга, чувство Пшеницыной жертвенно и всепрощающе. Ольга не терпит неподвижности, она решительна и целеустремлённа — того же она ждёт и от Обломова; Агафья Матвеевна — домосед, ее интересы сосредоточены на хозяйстве и заботе о детях, Обломов же в ее представлении — «так хорош, так чист... так добр», словом — «он барин, он сияет, блещет!» Ольга признается, что «любила будущего Обломова» — Пшеницына любит настоящего, не осознавая даже, как определяется ее чувство к нему — жалость ли, обожание или любовь. Ольга стремится исправить Обломова — Агафья Матвеевна искренне полагает, что он «великолепен», и дарит ему то, в чём он нуждается после разрыва с Ильинской больше всего, —

«покой и волю» (что в лексиконе Пушкина означает альтернативу счастью: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»). Домашние отношения Обломова и Пшеницыной — взаимное любование: «Сядет он, положит ногу на ногу, подопрёт голову рукой — все это делает так вольно, покойно и красиво; говорит так, как не говорят ее братец и Тарантьев, как не говорил муж; многого она даже не понимает, но чувствует, что это умно, прекрасно, необыкновенно».

В доме на Выборгской стороне Илья Ильич получает возможность вновь погрузиться в сказочный «обломовский» сон; ему возвращены халат и диван — символические атрибут «обломовщины»; сон его вновь — как в Обломовке — ассоциируется со сладкой смертью. Идиллия Обломова — мир, достигший совершенства и потому не нуждающийся в развитии.

Движение времени, однако, объективно неотменимо, и важную роль в его изображении играет пейзаж. Он позволяет читателю следить за романной хронологией: смена времен года для героев связана со сменой этапов жизни. Пробуждение чувств Ольги соотнесено с пробуждением природы: «В лесу те же деревья, но в шуме их явился особенный смысл: между ними и ею водворилось живое согласие. Птицы не просто трещат и щебечут, а все что-то говорят между собой; и все говорит вокруг, все отвечает ее настроению; цветок распускается, и она слышит будто его дыхание». Расставанию Обломова и Ольги соответствует прямо противоположная картина: «Илья Ильич по целым часам смотрел, как падал снег и наносил сугробы на дворе и на улице, как покрывал дрова, курятника, конуру, садик, гряды огорода, как из столбов забора образовались пирамиды, как все умерло и окуталось в саван». Пейзажные детали превращаются в яркие образы-символы, характеризующие психологическое состояние героев.

Циклическая смена времен года акцентирует идею «закругленного», замкнутого мира, воплощающего обломовский идеал совершенной, гармоничной, естественной жизни. Однако в романной концепции И.А. Гончарова эта закольцованность бытия связывается с замкнутостью сознания, статичностью личностного мира — и это, при всей симпатии автора к своему герою, разграничивает их мировоззренческие позиции.

Источник: Шуников В.Л. ЛИТЕРАТУРА: полный курс подготовки к ЕГЭ. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2014. — 272 с.